

И. Е. Васильев

Уральский федеральный университет,
г. Екатеринбург

«Пестрое кружево» Питирима Сорокина: жанровое своеобразие

О Питириме Александровиче Сорокине, чей научный авторитет вернулся на родину в постперестроечный период, сейчас пишут немало, но российский период его творчества изучен еще недостаточно полно. Представляется перспективным рассмотрение одного из артефактов его ранней биографии — произведения «Пестрое кружево», показательного с точки зрения исследовательских интересов, формирующегося мировоззрения (в частности, общественно-политических взглядов) и жанрово-стилевых поисков молодого автора¹.

«Пестрое кружево» — это отчет об этнографической экспедиции в виде дорожных заметок, в которых описывается проделанный путь и все основные события на маршруте, представлены собирательская, научная часть работы и попутные размышления автора. Структурирующая роль хронотопа пути, следование сюжету передвижения позволяют использовать по отношению к данному произведению распространенное в последнее время обозначение — «травелог»: «...Травелог — не только документальный рассказ о поездке, экспедиции, исследовании, но повествование, подкрепленное историческими свидетельствами (зарисовками, картами), не чуждое сопоставительного анализа (что было на территории в прошлом, что теперь) и рефлексии пишущего (ожидания и увиденная реальность)» [Бондарева, с. 165]. Подобного рода литература научных путешествий в Коми край уже существовала. Например, травелог А.И. Попова «Путевые заметки от Усть-Сысольска к

¹ Более объемное рассмотрение данного материала с расширением проблематики см.: [Васильев].

Вишерскому селению», опубликованный в «Вологодских губернских ведомостях» еще в 1848 г. Исследователь и знаток коми литературы В. А. Лимерова в специальной статье определила его образцом жанра, его моделью и назвала еще семь литературных коми травелогов XIX в. Был ли знаком с этой специальной литературой П. А. Сорокин — неизвестно, но общероссийские образцы травелогов он знал и даже пошучивал над Карамзиным с его «Письмами русского путешественника»: «...Коли будешь серьезным, то того и гляди, что достигнет автора участь Карамзина, т. е. никто не будет читать, кроме гимназистов, а эти юноши ежели и будут читать, то не раз пошлют “ко всем чертям” и автора, и его письма (у Карамзина, чай, частенько-таки переворачивались в гробу косточки от таких пожеланий)» [Сорокин, 2014, с. 123].

Уместно предположить, что ситуация с выбором жанра могла в чем-то определяться личностными особенностями П. А. Сорокина с его всегдашней тягой к путешествиям, смене места, расположенностью к людям и коммуникабельностью. В автобиографии, знаменательно названной «Долгий путь», Сорокин вспоминал о детстве: «Мы вели кочевую жизнь с отцом. <...> В годы странствий мы посетили и работали во многих селах и деревнях. Мы исходили вдоль и поперек весь Коми край. <...> Путешествуя, мы наслаждались изменчивой красотой пейзажей, наблюдали жизнь животных, вдыхали ароматы леса и лугов, купались и ловили рыбу в чистых протоках, а по вечерам собирались у костра и под звездным небом чувствовали, что нет ничего лучше, чем захватывающая жизнь на природе. В этом постоянном передвижении не было места скуке и ежедневной монотонной рутине. Наша жизнь представляла собой нескончаемый поток встреч и взаимодействий с новыми людьми, новых ситуаций, новых обычаев» [Сорокин, 1991, с. 22–24]. С такими же живыми, жизнерадостными и оптимистичными нотами Сорокин описывает свое первое заграничное путешествие (ему довелось совершить его, спасаясь от ареста за участие в студенческих волнениях): «В целом эти впечатления были приятными. Фермы, сельская местность, города казались мне весьма привлекательными, процветающими и аккуратными. Жизненные стандарты там были намного выше, чем в России, а люди более свободны, удовлетворены и отмечены

чувством достоинства. Солнечная Ривьера, Средиземноморье, горы, курортные города — все выглядело красивым и восхитительным. Русские и иностранцы, которых я встречал в отеле, были людьми приятными и готовыми помочь. Они показывали мне Ниццу и Монте-Карло, где по их предложению я даже рискнул сыграть в казино и за несколько минут выиграл две-три сотни франков» [Там же, с. 66].

Однако свойственные П. Сорокину жажда новых впечатлений, устремление к освоению пространства в случае с «Пестрым кружевом» существенно корректировались целевыми установками автора. Ведь эти путевые заметки родились в ходе индивидуальной экспедиционно-этнографической поездки двадцатидвухлетнего студента Санкт-Петербургского университета на коми-зырянскую родину в Вологодской губернии — из губернского центра на паромовых судах через Великий Устюг, Котлас и Яренск, по-том на лошадях, как пишет автор, в «места слишком хорошо знакомые»: Межог, Римья, Жешарт, Гам, далее в удорские поселения Буткан, Кослан, Венденга, Ёртом, Важгорт (из-за бездорожья до некоторых из них пришлось добираться даже на лодке).

Увлечение коми-зырянским фольклором, изучение национальных традиций, обычаев и особенностей бытоустройства своих соплеменников (Сорокин по матери был коми-зырянским) свидетельствовали о поиске профессиональной идентичности с помощью знакомого и родного материала, что отразилось и в серии научных статей Сорокина, появившихся в это время, т. е. в 1909–1911 гг. Для понимания жанровой специфики «Пестрого кружева» важно сочетание в этих дорожных заметках интереса автора к этнографии и коми-зырянской архаике с вниманием к современной действительности и переменам в ней. Дело в том, что за плечами П. Сорокина — социал-революционера по политическим убеждениям — к этому времени уже были агитационно-пропагандистская работа в годы Первой русской революции и опыт трехмесячного политзаключения в Костромской губернии. Его общественный темперамент с очевидностью проявлялся в аналитике, сопоставлениях фактов, оценках увиденного с позиции прогрессивно мыслящего петербургского интеллектуала, критически относящегося к недостаткам российской действительности.

Так, автор заметок подмечает «нужду и забитость» пассажиров третьего класса — выходцев из неимущих слоев народа, невнимательность к ним капитана и команды, плохую организацию работы парходства в целом. Рельефны в его изображении картины тяжелого труда грузчиков, встречающихся на реке плотогонов. Выразительны зарисовки бесед с подсевшими по пути на парход зырянами, возвращающимися с заработков на пермских заводах. Сорокина возмущает несправедливость в отношении соплеменников и со стороны властей, с их колонизаторской политикой, и со стороны одиозных лиц, готовых обвинять зырян в невежестве, лени и едва ли не глупости, и со стороны заводчиков, нещадно эксплуатирующих дармовую силу инородцев. Обвинительные пассажи в адрес гонителей и притеснителей зырян выражали гражданственность общественной позиции автора: «Полное отсутствие каких бы то ни было гигиенических условий, работа в продолжение всей зимы по пояс в снегу, ночевки в наскоро сделанных лесных баньках, питание гнилыми продуктами, продаваемыми заводом же втридорога, постоянные штрафы за каждую мелочь, сводящие “на нет” весь заработок человека, а иногда заставляющие его и впадать в долги, — вот, кратко говоря, условия работы на пермских заводах» [Сорокин, 2014, с. 130].

Публицистичность, свойственная отдельным рассуждениям и замечаниям автора дорожных заметок, вероятно, дополнительно стимулировалась типом издания, поместившего их. Сорокину важно было опубликовать произведение с публицистической нотой в газете как средстве массовой информации. Именно такой была газета «Вологодский листок», рассчитанная на широкую аудиторию.

Сорокин с очевидностью учитывал неоднородность ее читательского состава, отсюда наряду с публицистичностью — популяризаторство, отсутствие развернутых научных выкладок, которые присутствуют в его исследовательских статьях, доступность изложения материала.

Он явно не случайно, а скорее из желания расположить к себе читательскую публику, использовал в названии «Пестрое кружево» отсылку к местной достопримечательности — замечательным вологодским кружевам. Сорокин обыгрывает образ кружева, определяя им собственную манеру повествова-

ния: «Буду болтать и плести “пестрое кружево” о том, что Бог на душу положит. Коли смешно — посмеюсь, коли грустно — погрущу, а, может быть, кое-где и в “сурьезность” пушусь... Да и жизнь-то сама, читатель, разве не так же многолика и разнотранна? И она ведь нестройна, как “русская действительность”, бессистемна, как г. Вологда, и пестра, как “шахмачное одеяло” уютжан! Коли сама жизнь уж такова, то нам и подавно приходится быть пеструшками» [Там же, с. 124]. В установке на «болтовню» характерна нацеленность автора на читателя как собеседника, адресата «дорожных писем» — частой формы травелогов. Возможно, первоначально Сорокин планировал использовать для своего произведения именно эпистолярную форму, отсюда обращения к читателю, речевая непринужденность, разговорный колорит и почти фельетонные интонации. Такая стилистика господствует в нескольких первых газетных выпусках текста травелога, включая обширное описание жизни и быта уютжан. После Великого Устюга беседная «болтовня» все активнее подавляется «сурьезностью» в соответствии с переходом из зоны профанной современности в идеализируемое царство зырян с их сказочно-мифологическим прошлым, богатой духовной культурой, базирующейся на национальных традициях.

Двигаясь по коми-зырянской земле, Сорокин заезжает в села, где прошло его детство, и едет дальше на Удору. Мелькают названия больших деревень и малых населенных пунктов. В отдельных поселениях этнограф останавливается, иногда на несколько суток, и собирает материал: слушает и записывает песни, предания, рассказы местных жителей, некоторые цитирует. Встречаются описания быта зырян, их обычаев, свадебных обрядов. Сорокин не скрывает теплого отношения к зырянам, высоко оценивая их личные и национально-коллективные качества. Его поразило, например, «богатство знаний» «маленькой художницы» Павлы из Римьи, восхитил художественный дар старца Пукоева и других замечательных рассказчиков.

Сорокин отмечает перемены в жизни зырян, связанные с их восприимчивостью к новому: «Когда я ехал на Удору, то думал, что здесь старинных форм быта сохранилось несравненно больше, чем в других районах <расселения> зырян. Однако оказалось, что мои ожидания были правильны только отчасти.

Народ почти поголовно, особенно начиная с Кослана, говорит по-русски, малыши также поголовно грамотны, холст почти совершенно вытеснен ситцем, бóльшая часть домов построенная по-городски, — одним словом, Удора в смысле культурности едва ли не выше всех других зырянских районов» [Там же, с. 142].

Но Сорокин обращает внимание и на издержки прогресса, культуру в кавычках. Он фиксирует «пятна культуры» в случаях ушкуйничества, пьяных драк по праздникам с использованием «ножей, топоров, поленьев» и объясняет их наличие историческими условиями, дурным влиянием: «Несомненно, эти факты — явления переходной эпохи, переживаемой теперь зырянами. Имея склонность к подражанию, зыряне познакомились с “культурой” на отхожих промыслах, переняли кое-что из “культуры”. Лишившись старых устоев и старой почвы и не успев еще выработать новых основ, они почувствовали (как это и всегда бывает), что “все позволено”». Как истинный просветитель Сорокин полагает, что «вылечить от этой болезни удастся... не иначе как через школы и развитие знания» [Там же, с. 139].

Параллельно социально-психологическим наблюдениям, рассуждениям и замечаниям автора развивается тема природы. Мелкие точечные пейзажные детали соседствуют с развернутыми зарисовками окружающего ландшафта. Становится очевидно, что природа является для путешествующего пространством положительных ценностей. Сорокин противопоставляет ее миру человеческого несовершенства: «Берега выростали и отходили назад, и вся эта картина как-то не мирилась с тем, что делалось кругом. На великой красоте и безмятежном спокойствии природы резче выделяются темные пятна человеческой жизни» [Там же, с. 132].

Итак, «Пестрое кружево» Питирима Сорокина представляет собой описание его поездки в Удору и ход выполнения экспедиционного задания по сбору этнографического материала. Канву событий, хронологический порядок встречающихся явлений и фактов определял маршрут передвижения, однако это не умаляет активной роли автора-нарратора, который, воспроизводя обстоятельства и детали поездки, попутно размышляет и высказывает свое отношение к увиденному. Фигура путешествующего, наблюдающего действительность, фиксирующего

и оценивающего ее особенности, является конструктивно значимой. Сорокин стремится к достоверности и объективности, показывая достоинства и недостатки быта, мироустройства земляков. В его рассказе сплетаются география, история, политика, этнология и фольклор, а рефлексия обретает черты то нравоописательного очерка, то иронического фельетона, то публицистического эссе. Форма «Я-повествования» позволяет объемно и укрупненно репрезентировать личность автора — ученого, образованного интеллигента, эмоционально сочувствующего социальным низам, трудовому люду, любящего свой народ, критикующего недостатки общества, наслаждающегося видами родных мест, красотой природы.

Список литературы

Бондарева А. Литература скитаний // Октябрь. 2012. № 7. С. 165–169.

Васильев И.Е. «Пестрое кружево» Питирима Сорокина: биографический контекст, содержание травелога и ценностные приоритеты автора // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2 : Гуманитарные науки. 2018. Т. 20. № 4 (181). С. 197–211.

Лимерова В.А. «Путевые заметки от Усть-Сысольска к Вишерскому селению» А. Попова как жанровая модель травелога в коми словесности XIX в. // Филологические науки. Вопросы теории и практики (Тамбов). 2008. № 1 (1), ч. I. С. 119–123.

Сорокин П.А. Долгий путь : автобиограф. роман / пер. с англ. П.П. Кротова, А.В. Липского. Сыктывкар : Союз журналистов Коми АССР ; МП «Шыпас», 1991. 302, [2] с.

Сорокин П.А. «Пестрое кружево». (Дорожные впечатления) // Сорокин П.А. Ранние сочинения: 1910–1914 годы / сост., вступ. ст. В.В. Сапова, коммент. В. В. Сапова и С. Н. Казакова. СПб. : ИД «Мирь», 2014. 830, [1] с.